

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

•
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И ЛЕКСИКОГРАФИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

•
ГРАММАТИКА
(РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Материалы секций
XLI Международной филологической конференции

*26–31 марта 2012 г.,
Санкт-Петербург*

Ответственные редакторы:

«История русского языка и культурная память народа»:

д-р филол. наук, проф. **О. А. Черепанова**,

«Историческая лексикология и лексикография русского языка»:

д-р филол. наук, проф. **Е. И. Зиновьева**,

«Грамматика (Русско-славянский цикл)»:

д-р филол. наук, проф. **Г. Н. Акимова**

История русского языка и культурная память народа / Отв. ред. И90 О. А. Черепанова; **Историческая лексикология и лексикография русского языка** / Отв. ред. Е. И. Зиновьева; **Грамматика (Русско-славянский цикл)** / Отв. ред. Г. Н. Акимова: Материалы секций XLI Международной филологической конференции, 26–31 марта 2012 г., С.-Петербург — СПб., 2012. — 156 с.

ISBN 978-5-8465-1303-7

ББК 81.2

шением предписаний, законов, — преимущественно в документах делового характера, всякого рода жалобных письмах и т. п.

Значение ‘глупость’ приобретает большое распространение в сатире, где слово может употребляться образно:

Глухие, поспешно слушайте; нагие, веселитесь, ремением секитесь, *дурость* к вам приближается [Служба кабаку, с. 48, XVII в.].

К *дурости* примыкает и наречие *дурно* — ‘громко, неприятно (кричать)’:

Ин же [пьющий] чудеса и того *дурнее* вопиет: яз вас всех пьяние был [Служба кабаку, с. 55, XVII в.].

Таким образом, в обиходном языке Московской Руси словообразовательное гнездо слов с корнем *-дур-* достаточно велико и семантически интересно. Как видно из представленных материалов, наиболее близки к восстанавливаемой М. Фасмером на основе сравнения с другими индоевропейскими языками семе ‘бурно, стремительно’ оказываются глаголы, в которых актуализируется этот семантический признак — отсутствие контроля, воздействие чего-то неподвластного сознанию человека. Поэтому и совершается безрассудное действие, нарушающее установленные правила и нормы (поведения и морали), затем нарушающие и закон, преступные действия. В существительных же, скорее, остается либо компонент ‘все плохое’, либо характеристика человека: от бесконтрольности к глупости. Представленная в названии статьи пословица *Дурак стыду не знает* [Сим. Послов., с. 96, XVII в.] отражает, как кажется, переходный момент в истории слова, связанный с разрушением семантического синкретизма: *дурак* — не просто глупый человек, но все еще отрицательно оцениваемый с нравственных позиций из-за своих безрассудных действий.

А. С. Щекин

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В КОПЕНГАГЕНСКОМ РУКОПИСНОМ РАЗГОВОРНИКЕ XVII в.*

Русский разговорник, озаглавленный «Бесѣда десяти ч(е)л(овѣ)къ — имена имъ: Гарман, Анца, Мария, Д(а)в(ы)дъ, Петръ, Франца, Рихардъ,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

Анна, Индрик, Лука» (далее — Разговорник), находящийся в одной из рукописей Королевской библиотеки в Копенгагене, был опубликован датским славистом Х. К. Сёренсенем в 1962 г. [Копенг. разг.]. Публикатор отмечает, что рукопись не содержит имени составителя разговорника, а также каких-либо прямых указаний на время и место его появления [Копенг. разг., с. 12]. На основании палеографических данных Х. К. Сёренсен датирует рукопись 2-й четвертью XVII в. [Копенг. разг., с. 63]. Что же касается содержащегося в рукописи текста, то Х. К. Сёренсен относит его появление к периоду между 1635 и 1648 (или 1660) гг. Определяющими для исследователя являются косвенные признаки: наличие в рукописи названия монеты *эфимок* и, главным образом, упоминание о поражении французского короля от испанцев, которое он соотносит с завершающим этапом Тридцатилетней войны [Копенг. разг., с. 12–13]. Х. К. Сёренсен указывает, что в рукописи наряду с колонкой русского текста имеется вторая колонка, незаполненная (имеется только одно немецкое слово *Rubarber* в соответствии с русским *рюмен*), и предполагает, что текст был предназначен для обучения немцев русскому языку [Копенг. разг., с. 12]. О. С. Мжельская отмечает, что некоторые черты быта и поведения действующих лиц свидетельствуют скорее об иностранной, чем о русской среде. Исползованную в разговорнике лексику она определяет как обиходно-бытовую при наличии отдельных выражений более приподнятого характера¹.

Западноевропейский прототип Разговорника — разговорник, составленный преподавателем французского языка из Антверпена Ноэлем ван Берлемоном (Noël van Berlaimont) (?–1531) в 1-й половине XVI в., был указан немецким славистом Хельмутом Кайпертом, опубликовавшим совместно с Д. Бунчицем оставшийся в рукописи перевод этого разговорника на «простую мову» и церковнославянский язык, выполненный украинским ученым-филологом XVII в. Иваном Ужевичем². Первоначально разговорник Н. ван Берлемона, впервые изданный в 1527 г., состоял из фламандской и французской частей [Vocabulare], но на протяжении XVI–XVII вв. он многократно переводился на различные европейские языки: латинский, испанский, немецкий, английский, итальянский, португальский, польский, чешский и др., причем столбцы с новыми языками, как правило, добавлялись к уже существующим³. Что касается русского перевода, находящегося в Разговорнике, то он, скорее всего, был сделан с немецкого текста, входившего в семи- или восьмиязычную версию разговорника Н. ван Берлемона. При этом в русский текст вошли только три главы разговорника: беседа десяти человек за столом, глава о купле и продаже и глава о взыскании долга (различные

издания разговорника Н. ван Берлемона содержат от четырех до восьми глав, а также словарь).

Характер первоисточника накладывает определенный отпечаток и на русский текст Разговорника. Он не является записью живой спонтанной речи, как, например, Парижский словарь московитов 1586 г. или Русско-английский Словарь-дневник Ричарда Джемса⁴, а представляет собой перевод книжного текста, содержащего некий «образцовый разговор», пример того, как следует вести беседу. С этим связана и отмеченная О. С. Мжельской некоторая приподнятость стиля, отразившаяся и в этикетных формулах. Если сравнивать русский текст Разговорника с его западноевропейским прототипом (на примере делфтского издания 1598 г. [Colloquia], содержащего восьмизычную латино-французско-фламандско-немецко-испанско-итальянско-английско-португальскую версию разговорника Н. ван Берлемона), то можно установить следующие особенности.

В первую очередь, это достаточно точная передача содержания оригинала. Русский текст практически полностью соответствует тексту западноевропейского оригинала, который, несмотря на большое количество переизданий на протяжении XVI–XVII вв., демонстрирует высокую степень стабильности текста. Но текст оригинала воспроизводился не буквально, слово в слово, а адаптировался, насколько это было возможно, согласно нормам русского языка того времени. Так, русский переводчик не переносил механически формулы речевого этикета европейских языков в русский текст Разговорника. Форме вежливости на *Вы* (употребление 2-го лица множественного числа по отношению к одному человеку), принятой в большинстве европейских языков того времени (она употребляется во всех языках первоисточника, кроме латинского), в Разговорнике соответствует обращение на *ты* (2-е лицо единственного числа местоимений и глаголов), что характерно для русского языка XVI–XVII вв. Правда следует отметить, что уже в памятнике русской книжности XVI в. Житии Серапиона архиепископа Новгородского обнаруживается употребление местоимения *вы* в обращении к одному человеку:

Вы, господине, моего посла <...> отпустили ни с чем [СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 176].

В конце XVII в. местоимение *вы* может употребляться по отношению к царствующей особе:

Вашего царского величества подданного меретинского Арчила царя при-
сланной архимандрит Макарий да дьякон Никон и дворяне *вам, великому го-*

сударю [Федору Алексеичу], челом ударили [СлОРЯ XVI–XVII, вып. 3, с. 156].

Но такое употребление местоимения *вы* было в русском языке XVI–XVII вв. явлением весьма редким, преобладающим в эту эпоху было употребление местоимения *ты* по отношению к одному лицу, что и отразилось в Разговорнике.

Совмещение стандарта и творческого выбора в употреблении формул речевого этикета было отмечено Н. И. Формановской как существенное свойство этой сферы речевого общения⁵. Если рассматривать представленные в Разговорнике формулы речевого этикета: приветствие, согласие, благодарность — то обнаруживается определенное разнообразие в их выборе. Видимо, влиянием письменного первоисточника объясняется преобладание в Разговорнике развернутых форм приветствия, ср.:

Гарман: *Б(о)гъ дай тобѣ доброй д(е)нь*, Анца. Анца: *Тобѣ тако же, твоему смиренню*, г(о)с(у)д(а)рь Гарманъ, *дай б(о)гъ доброй д(е)нь* [Копенг. разг., с. 15]. — Hermes. *Gott gebe euch ein guten tag* Hans. I. *Und euch auch* Hermes, *einen guten tag gebe euch Gott* [Colloquia, f. B4v];

Б(о)гъ дай тобѣ доброй вечер, милая мати, да и всѣм вамъ! [Копенг. разг., с. 17]. — I. *Gott gebe euch einen guten abent liebe mutter, und euch allen* [Colloquia, f. B6v];

Франца: Друг, поди сюды. Индрик: Кто тутъ седить, немного ли людей? Франца: Нѣтъ, трое или четверо. Индрик: *Б(о)гъ с вами со вѣсти!* Петръ: Поди пожалуй, Индрикъ, что скажешь доброе? [Копенг. разг., с. 28]. — F. *freundt kompt herein*. Н. *Wer ist drinnen? ist vil volcks da?* F. *nein, ihrer seynd dry oder vier*. Н. *Gott gesegne es euch ihr guten freund*. P. *Wilkomme Heinrich, was sagt ihr guts?* [Colloquia, f. E1v];

Катерин(а): *Б(о)гъ дай тобѣ*, милая кума, и твоим подружницамъ *доброй д(е)нь*. Макрид(а): *И тобѣ то же*, милая кума [Копенг. разг., с. 40]. — C[atherine]. *GGtt* [так!] *gebe euch ein guten tag* gevatterin, und euwren gespielen. M[argareta]. *Und euch auch* gevatterin [Colloquia, f. G3v];

Карпъ: *Бл(а)говѣщуй тобѣ б(о)гъ, бл(а)говѣстуй тобѣ г(о)с(но)дѣ*, другъ! Володи(меръ): *Тобѣ тако же!* [Копенг. разг., с. 48]. — M[organd]. *Gott grusse euch mein freundt*. G[walter]. *Und euch auch* [Colloquia, f. I1v].

Такие же развернутые формулы употребляются при прощании:

Индрик [слуга дяди Петра]: Добро, государь [обращается к Петру], яз ему [хозяину] то скажу. *Б(о)гъ дай вамъ доброй вечеръ!* [Копенг. разг., с. 29]. — H. *Es ist gut, ich wils ihm also aensagen: Gott gebe euch ein gute nacht* [Colloquia, f. E3v];

Петръ: Поднесите Лукѣ испить, а вы светите ему итти. Лука: *Б(о)гъ дай тобѣ*, Петръ, и всему твоему товариществу *добрую ночь!* Петръ: *Добра ночь*, Лука! Пиль ли ты? Лука: Пиль, Петр! [Копенг. разг., с. 36]. — P. *Schenket Lu-*

cas zu trincken, und leuchtet ihme aufz. L. *Ich wunsche euch ein gute nacht* Peter, und euwerer gantzen geselschaff. P. *Gute nacht* Lucas, habt ihr getruncken? L. Ia Peter [Colloquia, f. F6v];

Анца: *Дай вамъ б(о)гъ добрую ночь*. Петръ: И вамъ то же, будите б(о)гом хранимы [Копенг. разг., с. 39]. — Н. *Gott gebe euch ein gute nacht*. P. Und euch auch, seydt Gott befohlen [Colloquia, f. G3v].

Как можно видеть, все эти развернутые формулы находят соответствие в западноевропейском оригинале разговорника, но в русском переводе отражается и национальная специфика. Так, приветствие собравшимся за обеденным столом, одновременно являющееся пожеланием приятного аппетита, звучит как *хлеб да соль*:

Анца: Лука, поди на двор — Лука, добро пожаловат итти на двор. Лука [слуга Андрея]: *Хлебъ да соль вам!* [Копенг. разг., с. 35]. — Н. Lucas, gehet herein. L. *Gott gesegne euch die maelzeyt* [Colloquia, f. F4v].

СлРЯ XI–XVII приводит пример этого пожелания из литературного памятника XVI–XVII вв. Жития Михаила Клопского:

И отпев обедню, пошли в трапезу обед поставя. И посадник рече: *Святая братья, хлеб, господа, да соль!* [вып. 26, с. 140].

Можно отметить, что в каждой из восьми колонок разговорника Н. ван Берлемона, соответствующих восьми европейским языкам в издании 1598 г., это пожелание сформулировано по-разному:

Latin. L. Sit felix convivium. François. L. Dieu benie la compaignie. Flamen. L. God seghen tgheselschap. Espagnol. L. Dios bendiga la compannia. Italien. L. Bon pro à tutta la compaignia. Anglois. L. God blesse the companye. Portuguez. L. Deos bendiga à companhia [Colloquia, f. F4v-F5r].

Следует также отметить, что выражение *челом бью* или его сокращенная форма *челом*, обычно употреблявшиеся в русско-иностранных разговорниках как формула приветствия, ср.:

Celom [челом] glücklich heryne [Аноним. разг., с. 41, сер. XVI в.]; choroscha molodytza *Celom* [хороша молодца, челом] schone fruwe gutten dach [Аноним. разг., с. 42, сер. XVI в.];

Челом [tzelum], мой миле нѣмчине, как тебе Бог на дорогу милует/здорово ишедши? — Geluche zu mein lieber teutscher wo hefft sich gott diner erbarmedit v̄ dem wege, oderḡ geuse [Разг. Фенне, с. 129, 1607 г.];

в Разговорнике в таком качестве встречается только один раз, в речи слуги Индрика (Генриха):

Франца: Что ходишь? [здесь ошибка переводчика, следовало бы перевести: Что хочешь?] Индрик: *Челомъ*, дома ли г(о)с(по)д(и)нь? [Копенг. разг., с. 27]. — F. Was wolt ihr? Н. *Gott grusz euch* freund: ist der herr daheim? [Colloquia, f. D7v].

Чаще это выражение выступает в роли формулы благодарности, иногда сопряженной с вежливым отказом:

Петръ: Подожди, Индрикъ, испей пожалуй! Индрик: Мнѣ, право, пить не хочетца, *челом бью* [Копенг. разг., с. 29]. — P. Wartet Henrich, trincket ehe ihr gehet. Н. Ich hab keinen durst, *ich danke euch* [Colloquia, f. E3v];

(Мария): Рихартъ, урѣж мнѣ плеча того. Рихар(дъ): Добро, вотъ прими. Мар[и]я: *Челомъ бью* [Копенг. разг., с. 34–35]. — M. Rogier, schneidet mir etwas von der schulter. R. Wohl, nemmets da. M. *Ich dancke euch* [Colloquia, f. F3v];

Д(а)в(ы)дъ: Добро, и *мы тебѣ много челом бьемъ* [разговор при прощании, благодарность за гостеприимство], мы тобѣ впрд отработаем. Мар[и]я: Давно, г(о)с(у)д(а)рь, отработано. Петръ: *Яз вам челомъ бью*, что меня навестили [Копенг. разг., с. 39]. — D. Wol dann, so *dancken wir euch*, es stehet uns zu verdienen. M. Es ist lang verdienet. P. *Ich dancke euch* auch das ihr kommen seydt [Colloquia, f. G1v-G2v];

Катер(ина) [прощаясь с Даниилом, купившим у нее товар]: *Челобитье*, другъ! Какъ вь иное время тебѣ что понадобится, и ты приди ко мнѣ, яз тобѣ продам дешево. Данил(о): Добро, госпожа, яз радъ, б(о)гъ с тобою [Копенг. разг., с. 47]. — C. *Großen danck* mein freundt, wann ihr ein ander mal etwas bedorffet, so kumpt zu mir, ich wli [так!] euch geben guten kauff. D. Wol frawe, ich wils gern thun, Gott behute euch [Colloquia, F. H8v].

Сравнение большинства рассмотренных примеров, да и всего текста Разговорника с его западноевропейским оригиналом показывает, что русский переводчик обладал достаточной квалификацией для выполнения своей задачи. Лексические средства русского языка XVI–XVII вв. позволили ему вполне адекватно передать содержание и стиль оригинала. Правда, первые строки разговорника позволяют предположить, что поначалу переводчик испытывал некоторые затруднения с подбором лексики и синтаксических конструкций для передачи иноязычного текста. Вероятно, этим объясняется не вполне обычное для русского языка употребление творительного падежа (в предложных и беспредложных конструкциях) в выражениях, сопровождающих приветствие:

Гарман: Здрав ли ты — *каково тобою?* Анца: Здравъ, *мною добро*, б(о)гу слава. *Каково тобою*, Гарманъ? Гарман: *Мною добро*. Каково с твоимъ отцомъ и с матерью? Анца: Дал б(о)гъ, онѣ здоровы [Копенг. разг., с. 15]. — Н. Wie gehet es euch? I. Es gehet mir wol, Gott sey lob, euwer gantz williger: Und ihr Hermes, wie ists mit euch, wol? Н. Ia, es gehet mir auch wol: wie gehet es euwerem vater und euwerer mutter? I. Es gehet ihnen wol, Gott sey lob [Colloquia, f. B4v-B5v].

Другие русско-иностранные разговорники, в большей степени ориентированные на живую разговорную речь, дают иные образцы этих выражений, ср., например:

Челом, как тебе Бог милует? Живешь здорово? Wo hefft sich godtt dyner erbamedtt. leuestu noch gesundtt [Разг. Фенне, с. 127, 1607 г.];

Здорово, г[о]с[по]д[и]нъ мои. Здорово ли ты живешь? Здорово, хвала Богу, тебѣ служит. Goeden dag mijn Heer. Hoe gaet het V all. Wel godt danck om V te dienen [Разг. Хеймера, с. 93, 1696 г.].

Но и в приведенных выше фразах из Разговорника можно увидеть наличие двух вариантов перевода: подбор соответствующего русского выражения (хотя и содержащего церковнославянизмы): *Здрав ли ты?* — *Здрав*, и буквальную передачу немецкой фразы русскими словами: *Какво тобою?* — *Мною добро*.

Вероятно, непониманием формульного самоуничижительно-вежливого выражения *euwer gantz williger*, ср. эквиваленты этого выражения в других колонках разговорника Н. де Берлемона: лат. *tibi paratissimus*, фр. *à vostre commandement*, флам. *tot uwen ghebode*, исп. *à vuestro mandado*, ит. *al comando vostro*, англ. *at your commandement*, порт. *à vosso mandado* [Colloquia, f. B4v-B5r], объясняется появление в Разговорнике выражения *твоему смиренню*:

Анца: Тебѣ тако же, *твоему смиренню*, г(о)с(у)д(а)рь Гарманъ, дай б(о)гъ доброй д(е)нь [Копенг. разг., с. 15].

Наиболее соответствующее формуле оригинала *euwer gantz williger* выражение *Vau (твой) покорный (вернейший, последний и т. п.) слуга* уже фиксируется в XVII в., но преимущественно в переводных памятниках, входящих в состав Вестей-Курантов (перевод речи герцога Бекингема английскому королю и парламенту 14 апреля 1628 г. и перевод письма голландца Исаака Массы царю Михаилу Федоровичу от 30 июня 1628 г.) [СлРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 118]; можно предположить, что оно в это время еще не получило достаточного распространения в русском языке. Уничжижительная формула *мое (наше) смирение* была широко распространена в русской книжности XI–XVII вв. и употреблялась наряду с эпитетом *смиранный* церковными иерархами, как правило, достаточно высокого ранга [СлРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 162, 165]. Ср. примеры ее употребления в документах XVI–XVII вв.:

Иоасафъ милостию Божиею архиепископъ Константинаграда, новаго Рима и вселенский патриархъ. Понеже убо *наше смирение* вѣрно увѣдахомъ и ис-

полнихомъ не точю преданемъ многихъ достовѣрныхъ мужей, но иже и писаниемъ, и сказаниемъ лѣтописца, яко нынешний наставший царь Московский <...> и всеа Великия Росия господинъ Иоанъ отъ роду своего и крови царские ведетца [грамота константинопольского патриарха Иоасафа: ДТП, кн. 2, кол. 68, 1561 г.];

А млсть стые Софѣи неизреченныя премдрости бжия слова и великихъ чюдотворцовъ Стефана и Питирима епсковъ пермскихъ и *нашего смирения* блгословение и есть и будетъ с тобою всегда и во веки [из письма архиепископа Вологодского Макария воеводе князю Дмитрию Матрюковичу (Черкасскому): Грамотки, № 458, с. 283, 1618 г.].

Но употребление этой формулы во 2-м лице в исторических памятниках русского языка не зафиксировано. К тому же сам контекст Разговорника — беседа группы светских лиц за столом — не дает оснований для употребления формулы, относящейся к церковной сфере жизни. Наиболее вероятным объяснением этой фразы в Разговорнике представляется ошибка переводчика.

Некоторые другие ошибки, как, например, отмеченную выше фразу *Что ходишь?* вместо *Что хочешь?* в соответствии с нем. *Was wolt ihr?* [Копенг. разг., с. 27; Colloquia, f. D7v], можно объяснить тем, что они возникли в процессе переписывания или диктовки текста, если предполагать, что рукопись Разговорника, опубликованная Х. К. Сёренсенем, не была автографом переводчика.

В целом, можно сказать, что особенности употребления формул речевого этикета в Разговорнике, отличающие его от других разговорников русского языка, появившихся в Западной Европе XVI–XVII вв., обусловлены прежде всего характером его прототипа — разговорника Н. ван Берлемона, ориентированного на нормированный литературный язык, а не на городское просторечие.

В заключение следует остановиться на проблеме датировки текста Разговорника. Как уже было сказано, издатель русского текста Разговорника Х. К. Сёренсен отнес его появление к периоду между 1635 (год вступления Франции в Тридцатилетнюю войну) и 1648 (год окончания Тридцатилетней войны) или 1660 (год заключения мирного договора между Францией и Испанией) гг. Основным аргументом исследователя было наличие в тексте следующего диалога:

Д(а)в(ы)дъ: Не слышал ли ты, как король французский бой потерялъ противъ шпанскихъ? Рихар(дъ): То слышал, что такъ говорить, только н(ы)нѣ много лгуть, и потому не вѣдомо, чему вѣры ять [Копенг. разг., с. 37]. — D. Habt ihr nicht horen sagen, wie der Koning aufs Franckreich die schlacht verloren hat gegen die Spanier? R. Das hab ich wol horen sagen, man leugt aber so vil, das man nicht weisz was zu glauben sey [Colloquia, f. F7v–F8v].

Но этот диалог встречается уже в самой первой двуязычной фламандско-французской версии разговорника Н. ван Берлемона, которая датируется 1527 г.:

D Hebdi niet horen seggen hoe de coninc van vrancrije den strijdt verloren heeft tegen de spaengiaerden R D[e]z heb ic wel horen seggen maer men liecht so veel datmen niet en weet wat ghelooven [D] navez vous point ouy dire comment le roy de fransche a perdu la bataille contre les espaignars R cela ay ie bien ouy dire mais on ment tant quon ne scet que croire [Vocabulaire, f. 11v].

Находится он и в датированном 1551 г. четырехязычном фламандско-французско-латино-испанском издании разговорника Н. ван Берлемона, дополненном Корнелием Валерием из Утрехта:

D. Hebdy niet hooren segghen, hoe die Coninck van Vrancrijck den strijt verloren heeft teghen die Spaengiaerden? R. Dat heb ic wel hooren seggen maer men lieghet so vele datmen niet en weet, wat ghelooven. — D. N'avez vous point ouy dire, comment le Roy de France a perdu la bataille contre les Espaignolz? R. Celà ay ie bien ouy dire, mais on ment tant qu' on ne scayt que croire. — D. Non audivisti, quomodo rex Galliarum praelio facto superatus sit ab Hispanis? R. Audivi equidem, verum tot circumferuntur mendaciae, ut nescias quid credendum sit. — D. No lo oïste, como el rey de Françia, traiendo guerra, fue vencido de los Españoles? R. Oï lo çierto, mas divulgan tantas mentiras, que no sabrias lo que se aya decreer [Vocabulaer/Dictionarium, f. F1v–F2r].

Таким образом, бесспорным является то, что фраза о поражении французского короля от испанцев относится к событиям первой половины XVI в. Скорее всего, Н. ван Берлемон имел здесь в виду битву при Павии 1525 г. во время так называемых Итальянских войн 1494–1559 гг., в результате которой французский король Франциск I потерпел поражение от войск испанского короля, императора Священной Римской империи Карла V, и попал в плен к испанцам. Таким образом, текст Разговорника мог быть создан и ранее 1635 г., а нижней границей времени его создания можно считать 1576 г., когда впервые был напечатан немецкий текст разговорника Н. ван Берлемона⁶.

Сокращения

Копенг. разг. — Ein russisches handschriftliches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert / Mit Kommentar von Hans Christian Sørensen. København, 1962.

Colloquia — Colloquia et dictionariolum octo linguarum, Latinae, Gallicae, Belgicae, Teutonicae, Hispanicae, Italicae, Anglicae, et Portugallicae: liber omnibus linguarum studiosis domi ac foris apprime necessarius. Delphis, 1598.

Vocabulaer/Dictionarium — Vocabulaer en quatre langue, Flamengue, Françoise, Latine, Espagnole, à tous ceulx qui les vouldront apprendre tresutile: Dictionarium quadri-

lingue, Teutonicum, Gallicum, Latinum atq[ue] / Hispanicum, eas linguas discere volentibus utilissimum, D. Cornelio Valerio Traiectensi interprete. A Louvain, 1551.

Vocabulare — Barlaimont N. van. Vocabulare van nieus geordineert. Ende wederom gecorrigeert. Om lichtelijc fransoys te leer en lessen, scriuen ende spreken. Dwelk gestelt is meestendeel bi personagien. Vocabulaire de nouveau ordonne et de rechief recorrige, pour apprendre legierement a bien lire et ecrire et parler Fransoys et Flameng. Lequel est mis tout la plus part par personnaiges. Antwerpen, 1527 [по фотокопии, размещенной на сайте Баварской государственной библиотеки (Die Bayerische Staatsbibliothek). — <http://reader.digitale-sammlungen.de/resolve/display/bsb10163875.html>].

Примечания

¹ М ж е л ь с к а я О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003. С. 27–28.

² Розмова — Бесѣда: Das ruthenische und kirchenslavische Berlaimont-Gesprächsbuch des Ivan Uževuč: Mit lateinischem und polnischem Paralleltex / Hrsg. von D. Bunčić, H. Keipert. München, 2005.

³ Sijs N. van der, Berlaimont N. van // Bio- en bibliografisch lexicon van de neerlandistiek (электронное издание).

⁴ Л а р и н Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 21–508.

⁵ Ф о р м а н о в с к а я Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002. С. 182–183.

⁶ Sijs N. van der, Berlaimont N. van. Op. cit.